

УДК 82.091

Е.Ю. РАСКИНА,
*доктор филологических наук, доцент,
научный сотрудник Международного
гуманитарно-лингвистического института
(Москва, Российская Федерация),*

А.А. УСТИНОВСКАЯ,
*старший преподаватель Международного
гуманитарно-лингвистического института
(Москва, Российская Федерация)*

ПЕРЕКЛИЧКА ТРЕХ ГОЛОСОВ: ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ, ДАНТЕ ГАБРИЭЛЬ РОССЕТТИ И Н.С. ГУМИЛЕВ

Два Данте – Данте Алигьери и названный в честь великого флорентийца английский поэт и художник Данте Габриэль Россетти – занимали воображение великого русского поэта Н.С. Гумилева и фигурировали в его стихах. Дантовские мотивы в творчестве Н.С. Гумилева более чем обширны, но в этой статье мы поговорим не только о том, как повлияли на поэзию Н.С. Гумилева образы «Божественной комедии», но и о том, как представлены в творчестве русского поэта мотивы, образы и символы живописного и поэтического творчества вождя английских поэтов и художников-праерафаэлитов – Данте Габриэля Россетти.

Ключевые слова: английские праерафаэлиты, Серебряный век русской литературы, акмеизм, флорентийское Возрождение, сонет.

Английского поэта и художника Данте Габриэля Россетти нарекли в честь Данте Алигьери. Россетти соединил в своем характере итальянский темперамент и английскую романтичность, поскольку, будучи по родителям итальянцем, увидел свет в Англии. Россетти был виртуозным мастером сонетов и баллад. Об этом явственно говорит его книга сонетов – «Дом жизни», название которой перекликается с книгой Данте – «Новая жизнь». Россетти был страстным почитателем Данте, работал над комментариями к «Божественной комедии» и неоднократно изображал свою супругу Элизабет в образе Беатриче. Сонеты зачастую как бы «озвучивали» его картины.

В поэзии, как и в живописи, Россетти остается праерафаэлитом: для его живописи характерны средневековый колорит и пристрастие к символике, в ней тщательно продуман каждый штрих. Основная тема его стихов – любовь: «В груди Любви протяжный бой, / Где Небо молкнет, слыша вдруг / Где ангелов садится круг / На каждой сфере голубой, / Как дух мой вознестись не мог, / Когда в лучах иных дорог / Под пенье солнц, он / Познал на миг с душой её, один лишь Бог!» [8, с. 33]. Цикл из 101 сонета, «Дом жизни» – главный поэтический памятник Россетти, в котором не только прослеживается сложное духовное и телесное развитие любовных отношений, но и преобладают мотивы юности, любви, недолговечности, обреченности, смерти. Россетти намеренно использовал архаичную лексику, привычные слова помещал в чуждый контекст, придавая им новый смысл. Часто он ставит в словах неверное ударение и подбирает необычные рифмы, чтобы появился новый, неожиданный эффект.

По сути своего искусства Россетти принадлежит новому времени, и в его картинах, например, в «Благовещении» (1850), изображения святых модернизированы до такой степени, что автор навлек на себя нападки общества. Сильное чувство к жене, Элизабет Сиддал, которая была и его натурщицей, определило характер изображения большинства женских фигур на полотнах, созданных до ее смерти, – лебединая шея, длинные волосы, томная, влекущая красота.

Россетти так писал об Элизабет Сиддал: «Нисходит память к тонким уголкам / Любимых губ и, пламенем сквозным / Подхвачены, признанья дышат им. / И мы, то отдохнуть даём губам, Беседуя о прошлом, то молчим, Внимая позабытым голосам» [8, с. 42].

Вместе с Элизабет, «музой прерафаэлитов», Россетти похоронил рукописи многих стихотворений (впоследствии опубликованных). Вдохновленный поэзией Данте, он воскрешал ее черты на картинах в облике Беатриче – «Смерть Беатриче», «Беатриче благословенная», «Сон Данте».

Россетти – поэт, достигший совершенного равновесия, совершенной гармонии. Всё, что может сделать переводчик поэзии Россетти на русский язык, – это создать форму, технически достойную оригинала, и предложить собственное видение и интерпретацию. Именно качеством этой интерпретации, её сообразностью, связностью, стройностью, а не так называемой буквалистской «близостью» к оригиналу, и должно определяться качество перевода. Как пишет Вланес: «Россетти – автор прекрасных баллад и лирических стихотворений, однако с наибольшей силой его поэтический гений раскрылся в сонете» [8, с. 8].

Гумилев упомянул Россетти в стихотворении «Музы, рыдать перестаньте»: «Музы, рыдать перестаньте, / Грусть вашу в песнях излейте, / Спойте мне песню о Данте / Или сыграйте на флейте. / Жил беспокойный художник / В мире лукавых обличий – Грешник, развратник, безбожник, / Но он любил Беатриче. / Тайные думы поэта / В сердце его прихотливом / Стали потоками света, / Стали шумящим приливом. / Музы, в сонете-брильянте / Странную тайну отметьте, / Спойте мне песню о Данте / И Габриэле Россетти» [3; т. 1, с. 100]. По мнению А. Чевтаева, в данном сонете «проявляется биографический драматизм отношений Н. Гумилева с А. Ахматовой, спроецированных на перипетии любовного чувства Данте Алигьери к Беатриче» [9]. Хотелось бы добавить, что Гумилев, проецирует свои драматические отношения с Ахматовой и на любовные коллизии Данте Габриэля Россетти и Элизабет Сиддал, музы прерафаэлитов.

«Грешник, развратник, безбожник», любивший Беатриче, – это и Данте Габриэль Россетти, влюбленный в Элизабет Сиддал, но, увы, не хранивший ей верность, и Данте, боготворивший Беатриче, но при этом не отрицавший влияния «демона сладострастия» на человека. И, в конце концов, это сам Н. Гумилев, точнее – лирический герой его поэзии: влюбленный в донну Анну (Ахматову) дон Жуан.

Отношения Данте Габриэля Россетти с его возлюбленной, а затем и женой – Элизабет Сиддал – складывались поистине драматически. Россетти, совсем по-блоковски, любил ее на небе, но изменял ей на земле. Элизабет так и не смогла простить мужу многочисленных измен и отравилась опиумом (по другим источникам – умерла от передозировки опиума). Но именно Элизабет Данте Габриэль Россетти изобразил в облике Беатриче на картине «Beata Beatrix».

На этом полотне красный голубь, вестник смерти, приносит героине цветок мака, символ опиума. Лицо новой Беатриче обращено вверх, к свету. А позади нее, в тени, стоят ангел и сам Данте Габриэль Россетти, так часто обращавшийся к образу своего великого предшественника Данте Алигьери в стихах и живописи.

«Грешник, развратник, безбожник» Россетти действительно любил свою Беатриче (Элизабет Сиддал) возвышенной любовью, но он же и погубил Музу прерафаэлитов, изображенную другим прерафаэлитом, Джоном Эвереттом Миллесом в образе мертвой Офелии, медленно плывущей по реке (полотно «Офелия»). Для своей «Офелии» Россетти сыграл роль принца Гамлета.

Что касается Данте Алигьери, то о нем Д.С. Мережковский написал в биографическом романизованном произведении «Данте»: «Только что выйдя из «темного, дикого леса», selva selvaggia, где заблудился, – столь горек был тот лес, что смерть немногим горше, – встречает он Пантеру. Быстрая, легкая, ласковая, все забегает она вперед и заглядывает ему в глаза, преграждая путь, и он уж хочет вернуться назад. Но весеннее утро так нежно, солнце восходит так ясно, под знаком тех же звезд, что были на небе, в первый день тво-

рения, и «пестрая шкура» Пантеры так весела, что он уже почти перестает ее бояться» [6, с. 155]. Первые истолкователи Дантовых загадок уже разгадали, что эта «пестрая Пантера», *Lonza a lagaetapella*, есть не что иное, как «сладострастная Похоть», *Lussuria*. – «Этому пороку он очень был предан», – вспоминает сын Данте, Пьетро Алигьери» [6, с. 156].

В поэзии Н. Гумилева черная пантера или пантера «с отливом металлическим на шкуре» символизирует «двоящуюся», противоречивую героиню: «У ног ее две черные пантеры / С отливом металлическим на шкуре. Взлетев от роз таинственной пещеры, / Ее фламинго плавает в лазури» (стихотворение «Сады души») [3, т. 1, с. 146]. В процитированном стихотворении «Сады души» «двоящаяся» героиня носит венок великой жрицы («девушка в венке великой жрицы») [3, т. 1, с. 146].

В древнегреческой мифологии черные (или пятнистые) пантеры сопровождали бога вина и вдохновения Диониса. Бог вина и экстаза часто изображался сидящим верхом на пятнистой пантере. Этот дионисийский символ охотно использовал в своей поэзии и авторской мифологии Вячеслав Иванов. У Вячеслава Иванова пантеры – символ дионисийского экстаза. Пантера на вакхических изображениях соседствует с виноградной гроздью.

В гумилевском сонете «рыдающие музы» и «докучные фавны» противопоставлены светлым песням и звукам флейты. Фавны, как и менады, сопровождали бога Диониса (Вакха), и Гумилев, предпочитавший аполлоническую стройность и ясность дионисийскому экстазу, не преминул отметить: «Музыки нет в вашем кличе!» [3, т. 1, с. 100]. Опять же, «дионисийские» рыдания противопоставлены в гумилевском сонете светлой и благородной (аполлонической) грусти.

В древнеримской мифологии фавнов часто отождествляли с богом природы и лесов Паном. Считалось, что Фавн, лесной бог, живёт в чащах, уединённых пещерах или рядом с источниками. Римляне верили, что он предсказывает будущее, ловит птиц и преследует прекрасных нимф. С человеком Фавн общается или во сне или когда человек оказывается на его территории, в лесу, – пугая или предостерегая его лесными голосами. Как и Пан, Фавн может внушать путникам так называемый «панический» страх. Он – дух леса, невидимый людям. Видеть его может, например, собака, способная лицезреть духов. Именно поэтому собака в древнеримской мифологии была посвящена Фавну. Фавн может явиться человеку во сне, но сон этот, как правило, оказывается кошмарным. Фавны могут преследовать смертных женщин своей любовью: отсюда эпитет фавна – *Incubus*.

Показательно, что в гумилевском сонете лесным голосам (кличам) фавнов противопоставлена чистая музыка флейты и песня о Данте (т. е. аполлонизм противопоставлен дионисийству). Здесь Гумилев отступает от древнегреческой мифологии, где флейту, символизирующую голос самой природы, изобрел именно Пан.

Как справедливо указывает М. Гаспаров в своей книге «Занимательная Греция», греки считали музыку (можно добавить – аполлоническую музыку) воплощением упорядоченности и гармонии. «Там, где в мире все упорядочено до совершенства, само собой возникает музыка: глядя на мерное, круговое движение небесных светил, греки верили, что они издают дивно гармонические звуки, «музыку сфер», и мы ее не слышим потому, что с младенчества к ней привыкли» [1, с. 105]. И далее: «И наоборот, там, где возникает музыка, все вокруг из беспорядка приходит в порядок» [1, с. 105].

Символом чистоты и добродетели в гумилевском сонете является также белая роза («Странная белая роза в тихой вечерней прохладе»). У Н.С. Гумилева в стихотворении «Две розы» противопоставлены страстная алая роза и символ нежности первой любви – розовая. «Одна так нежно розовеет, / Как дева, мильным смущена, / Другая, пурпурная, рдеет, / Огнем любви обожжена. / А обе на Пороге Знанья... / Ужель Всевышний так судил / И тайну страстного сгорания / К небесным тайнам приобщил?!» [3, т. 2, с. 70].

Роза из анализируемого нами сонета белая, как мрамор древней Эллады, и так же чиста. Это своего рода «аполлоническая» роза, тогда как алую, как кровь и как вино, розу можно соотнести с духом дионисийства.

Гумилев завершает свой сонет обращением к Музам и упоминанием о «сонете-брильянте», Данте и Габриеле Россетти. Однако кроме двух влюбленных пар «Данте Алигьери – Беатриче» и «Данте Габриэль Россетти – Элизабет Сиддал (английская Беатриче)» в творчестве Гумилева присутствует еще одна пара, духовно близкая предшествующим: Кавальканти и Примавера. Речь идет о рассказе Н. Гумилева «Радости земной любви». В са-

мом названні розповіді закладено протипоставлення: «любовь земная – любовь небесная». Під небесною любов'ю розуміється то возвишенне обожання і преклонення, яке Данте Алігьєри испытывав до Беатриче. Любовь сучасника Данте, флорентийського поета Кавальканти до прекрасної Примавери, подруги Беатриче, зовсім друга: це прекрасне земне почуття.

В розповіді, присвяченій Анні Горенко (будущей Ахматовой), ця земная любовь описується так: «Одновременно с благородной страстью, которая запылала в сердце Данте Алигьери к дочери знаменитого Фолько Портинари, называемой ее подругами нежной Беатриче, Флоренция видела другую любовь, радости и печали которой проходили не среди холодных небесных пространств, а здесь, на цветущей итальянской земле. И для того, кому Господь Бог в бесконечной мудрости своей не позволил быть свидетелем этого прекрасного зрелища, я расскажу то небольшое, что мне известно о любви благородного Гвидо Кавальканти к стройной Примавере» [3, т. 5, с. 23]. Среди холодных небесных пространств протекала другая любовь: любовь Данте и Беатриче. Гумилев как бы подводит читателей к следующему тезису: не менее прекрасным и возвышенным является земное чувство, свидетелем радостей и печалей которого был старинный город Флоренция. Прототипом Примаверы в этом рассказе была Анна Горенко, которой, собственно, рассказ и посвящен. Себя самого Гумилев видит в образе поэта Гвидо Кавальканти.

Этот флорентийский философ и поэт был другом Данте Алигьери, автором философски-мистической любовной лирики, в том числе и знаменитой «Канцона о любви». Гумилевская Примавера – персонаж вымышленный, о даме с таким именем истории ничего не известно. Более того, перед нами условно-поэтическое имя, ведь Примавера означает «Весна». В действительности Гвидо Кавальканти был женат на Беатриче, дочери Фаринаты дельи Уберти, главы партии гибеллинов. Однако при этом поэт был гвельфом. В 1300 г. Кавальканти был изгнан в Сарцану, заболел там малярией и был призван обратно во Флоренцию, но через год после возвращения умер.

В «Канцоне о любви» Гвидо Кавальканти так говорил о природе этого вечного чувства:

«Где память обитает, в этом месте
Живет она, тьмой создана – как светом
В стекле, лучом задетом, – Марса тенью
В душе витает, там ее поместье.
Сотворена, души сильна советом,
Сердечных чувств ответом и хотеньем.
Любовь от зримой формы происходит,
Что входит в ум возможный в виде знанья
И чье влиянье – одухотворенье,
Ведь чувственное чуждо ей боренье,
И с свойствами она родства не водит;
В нее нисходит вечное сиянье» [5].

Интересна в данном контексте связь любви с памятью («Где память обитает, / В этом месте живет она») [5]. Любовь понимается, таким образом, как узнавание, припоминание некоего изначально знакомого образа, как узнавание родной души. Перед нами теория Прапамяти, близкая и Н.С. Гумилеву (например, присутствующая в стихотворении «Прапамять»). Влияние любви на человеческое существо понимается в этой канцоне как «одухотворение».

Эта канцона является ответом на сонет флорентийского поэта Гвидо Орланди. Автор сонета вопрошает о сущности любви, о том, заключена ли в ней жизнь или смерть, о том, где она рождается. На все эти вопросы Гвидо Кавальканти дает ответы в «Канцоне о любви». «Дивная канцона о любви», принадлежавшая перу Гвидо Кавальканти, упоминается и в рассказе Н. Гумилева «Радости земной любви».

Как справедливо указывает Диана Грачева, в гумилевском рассказе присутствует «прямая отсылка к творчеству Данте Алигьери и скрытая параллель между его поэзией и поэзией А. Блока» (цикл «Стихов о Прекрасной Даме»)» Исследовательница пишет: «Прекрасная дама Данте, как и А. Блока, приходит к читателю из «надмирного», «звездного» бытия. Для Данте (как и для Петрарки) любовь – это воспоминание, любовь – победа над смертью. Для А. Блока любовь – победа над жизнью, над ее приземленностью, отрыв

от обыденного» [2, с. 140]. Д. Грачева также указывает, что «Н. Гумилёв, противопоставляя любовь Данте и Беатриче, «радости и печали которой» проходили среди «холодных небесных пространств», и Кавальканти и Примаверы, происходившую «на цветущей итальянской земле», на протяжении всего рассказа будет косвенно вести спор с А. Блоком. В тексте мы столкнемся с тремя проявлениями любви, бросающими свет на этот спор, расставляющими в нем акценты: это возвышенная неземная любовь (Данте и Беатриче; возвышенная земная любовь (Кавальканти и Примаверы); и приземленная земная любовь (венецианского синьора к Примавере)» [2, с. 142].

Таким образом, в рассказе «Радости земной любви» присутствует косвенное указание на еще одну влюбленную пару – А. Блока и Л. Менделееву-Блок, Прекрасную Даму ранней поэзии Блока. Кроме того, в тексте рассказа прямо упомянута пара «Данте – Беатриче» (возвышенная, небесная любовь). Посвящая рассказ Анне Горенко, Гумилев указывает на свою любовь к ней, на собственную Прекрасную Даму. В стихотворении «Музы, рыдать перестаньте» указывается на еще одну Беатриче, музу Данте Габриэля Россетти, Элизабет Сиддал.

В книге сонетов «Дом жизни» Данте Габриэль Россетти выстраивает целую концепцию любви, понимаемой как сила, которая, благодаря удовлетворению жажды Прекрасного, ведет человека к высшей духовности. Брат поэта, В.М. Россетти, писал: «Рождение Любви в сердце Возлюбленной сравнивается здесь с рождением ребенка и символ продолжен таким образом, что, как Любовь рождается из человеческого сердца, та же самая Любовь становится в конечном счете родительницей человеческих душ, заново появляющихся на свет в иной, бестелесной жизни» [8, с. 226]. В сонетах Россетти мы имеем дело с любовью, соединившей в себе духовное и плотское начало: она сохраняет плотский аспект Эроса, но в то же время вмещает в себя высший смысл духовности. Такое понимание любви, соединяющей в себе плоть и дух, было очень близким поэтам-акмеистам, в частности – Н.С. Гумилеву.

Д.Г. Россетти писал: «Теперь, обняв крылами наши лица, / Любовь поет, склоняется к земле, / Постель готовит нежными руками, / Чтоб нашим душам в свой черед родиться / Ее детьми, но в этой смертной мгле / Волос ее свеченье будет с нами» [8, с. 19]. Небесная любовь, склоняющаяся к земле, а не только уводящая человека в надмирное пространство: такое понимание любви мы находим и в прозе Н.С. Гумилева. В частности в рассказе «Радости земной любви» Гвидо Кавальканти говорит небесному ангелу: «Если хочешь исполнить самое сокровенное желание мое, о светоносный, пойдем туда и ускорим наши шаги; и по той золотой лестнице, о которой ты говоришь, я спущусь на землю, где живет моя Примавера» [3, т. 5, с. 28].

Любовь, соединяющая в себе Эрос и Агапе (духовную связь между душами), – такое понимание любви вполне соответствовало эстетике как раннего, так и позднего творчества Н.С. Гумилева. Более того, подобное понимание любви является связующим звеном между творчеством Н.С. Гумилева и английского поэта-прерафаэлиты, Данте Габриэля Россетти.

Список использованных источников

1. Гаспаров М. Занимательная Греция / М. Гаспаров. – СПб.: Амфора, 2015 – 479 с.
2. Грачева Д. Философия любви в рассказе Н. Гумилёва «Радости земной любви» / Д. Грачева // Сборник студенческих работ филологического факультета ВГУ. – Вып. 4. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. – С. 140–147.
3. Гумилёв Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах / Н. Гумилев. – М.: Воскресенье, 1998–2008. – 5 000 с.
4. Гумилёв Н. Собрание сочинений в 4-х т. / Н. Гумилев. – М.: Терра, 1991. – 1200 с.
5. Кавальканти Г. Канцона о любви / Г. Кавальканти; перевод и примечания Ю. Юсима [Электронный ресурс]. – Режим доступа: amkob113.narod.ru/amims/mims-4.html
6. Мережковский Д. Данте. Наполеон / Д. Мережковский. – М.: Республика, 2000. – 544 с.
7. Раскина Е.Ю. Исследование культурологических аспектов поэзии «Серебряного века» русской литературы / Е.Ю. Раскина – М.: МГЛИ, 2013. – 128 с.
8. Россетти Д.Г. Дом жизни = The House of Life: [собрание сонетов] / Данте Габриэль Россетти [пер. с англ., предисл. и коммент. Вланеса]. – М.: Аграф, 2009. – 336 с.

9. Чевтаев А.А. Ты подаришь мне смертную дрожь. Концепция любви в книге Н. Гумилева «Жемчуга» / А.А. Чевтаев // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство. – 2013. – Вип. 27, Ч. 4. – С. 58–70.

10. Шабанова А. Влияние английской литературы на творчество Н.С. Гумилева: дис. ... канд. филол. наук / А. Шабанова. – М.: МПГУ, 2008. – 170 с.

References

1. Gasparov, M. *Zanimatel'naya Grechiya* [Entertaining Greece]. Sankt-Peterburg, Amfora, 2015, 479 p.

2. Gracheva, D. *Filosofia ljubvi v rasskaze N. Gumileva «Radosti zemnoy ljubvi»* [Philosophy of love in N. Gumilyov's story «Pleasure of terrestrial love»]. *Sbornik studencheskikh rabot filologicheskogo fakulteta VGU* [The collection of student's works of philological faculty VSU]. Voronezh, Voronezhskiy gosudarstvenniy universitet, 2003, vol. 4, pp. 140-147.

3. Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sochineniy v desyati tomah* [The complete works in ten volumes]. Moskow, Voskresenye, 1998-2008, 5 000 p.

4. Gumilev, N. *Sobranie sochineniy v 4 t.* [The complete edition in 4 volumes] Moskow, Terra, 1991, 1200 p.

5. Kavalkanti, G. *Kantsona o ljubvi* [Canzone about love]. Available at: amkob113.narod.ru/amims/mims-4.html

6. Merezkovsky, D. *Dante. Napoleon* [Dante. Napoleon]. Moskow, Respublika, 2000, 544 p.

7. Raskina, E.Yu. *Issledovanie kulturologicheskikh aspektov poezii «serebryanogo veka» russkoy literatury* [Research culturological aspects of «Silver age» poetry of Russian literature]. Moskow, MGLI, 2013, 128 c.

8. Rossetti, Dante Gabriel. *Dom jizni = The House of Life: (sobraniye. Sonetov)* [The House of Life (Collection of sonnets)]. Moskow, Agraf, 2009, 336 p.

9. Chevtaev, A.A. *Ty podarish mne smertnuyu droj. Kontseptiya ljubvi v knige N. Gumileva «Jemtshuga»* [You will present me a mortal shiver. The concept of love in N.Gumilev's book «The Pearls»]. *Aktualni problemy slov'yanskoyi filologii. Seriya: Lingvistika i literaturoznavstvo* [Actual problems of slavic philology. A set: Linguistics and literary criticism]. 2013, issue 27, vol. 4, pp. 58-70.

10. Chabanova, A. *Vliyanie angliyskoj literatury na tvortshestvo N.S. Gumileva: diss. kand. filol. nauk* [Influence of the English literature on N.S. Gumilev's work. Phd cand. sci. diss.]. Moskow, MPGU, 2008, 170 p.

Два Данте – Данте Аліґ'єрі та названий на честь великого флорентійця англійський поет та художник Данте Габріель Россетті – приваблювали великого російського поета М.С. Гумільова та фігурували в його поезіях. Дантівські мотиви у творчості М.С. Гумільова більш ніж численні, але в цій статті ми поговоримо те тільки про те, як вплинули на поезію М.С. Гумільова образи «Божественної комедії», але й про те, як явлені у творчості російського поета мотиви, образи та символи живописної та поетичної творчості вождя англійських поетів та художників-прерафаелітів – Данте Габріеля Россетті.

Ключові слова: англійські прерафаеліти, Срібний вік російської літератури, акмеїзм, флорентійське Відродження, сонет.

There were two famous people in the history with the same last name. First one – Dante Alighieri and the second one, Dante Gabriel Rossetti, the English poet and artist who was named after a famous Florentine. They two were the subject of interest to N.S. Gumilev as he often mentioned them in his verses. The spirit of Dante is revealed through N.S. Gumilev's works. The article looks upon the way creative art of one influenced the art of the other. N.S. Gumilev was the Russian poet who managed to understand the depth of symbolism and artistism of one of the major poets and artists-preraphaelites – Dante Gabriel Rossetti. We will disclose the way the images described in the work 'Divine Comedy' are conveyed through the works of N.S. Gumilev.

Key words: English preraphaelites, the Silver Age of Russian literature, Acmeism, Florence Renaissance, sonnet.

Одержано 9.10.2015.